

«Война не может быть справедливой, потому что воевать справедливо нельзя, даже если воюешь за справедливость».

Тадеуш Котарбиньский

*Книга основана на реальных событиях.
Все имена изменены или вымышлены.
Любые совпадения имен, фамилий и названий СЛУЧАЙНЫ...*

Алексей А. Петрухин

Уважаемый читатель!

Предваряет эту книгу уникальный документ.

Перед вами — письмо полковника Суворовцева и рукопись книги, которые были найдены в сейфе в его кабинете, в Управлении по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Письмо было обнаружено в ходе следствия по делу о нашумевшем исчезновении полковника Суворовцева во время международной конференции сотрудников правоохранительных органов в Афганистане. Следствие выяснило, что исчезновение, а по одной из версий — похищение Суворовцева, связано с его профессиональной деятельностью и его давней личной враждой с главой одного из крупнейших международных наркосиндикатов. Может быть, письмо прольет какой-то свет на события, предшествовавшие роковой поездке полковника Суворовцева на конференцию в Афганистан...

Если у вас есть какая-либо информация о Суворовцеве или о других участниках нижеописанных событий, пишите нам по электронной почте на адрес *info@rospo.ru*.

Также нами были удалены и спрятаны несколько десятков страниц рукописи Суворовцева, которые касались

его личной жизни. Мы решили, что, пока судьба Суворовцева нам неизвестна, не надо публиковать имена родных и близких ему людей. Также мы взяли на себя смелость изменить имена и фамилии некоторых других героев рукописи Суворовцева. Надеемся, что по его возвращении, на что мы очень рассчитываем, мы сможем ему объяснить все это.

*Дмитрий Иванов
Милана Касакина*

Без адресата...

Без даты...

...В голове мысли. Все время мысли. Просто наказание какое-то. Когда больше не можешь оставаться с мыслями наедине, начинаешь проговаривать свои мысли, то есть говорить с самим собой. Это, наверное, странно выглядит со стороны, но ничего не поделаешь — когда мыслям тесно в голове, они стремятся наружу, и ничего им не прикажешь.

Потом начинаешь мучить своими мыслями друзей. Друзья — терпеливые люди, на то они и друзья. Друзья терпеливо выслушивают мои мысли, а некоторые так их трагируют, что друзья перестают слушать меня и сами начинают с жаром говорить — у них, оказывается, тоже были мысли, похожие на мои. Это полезный процесс — выговаривать друг другу свои мысли, потому что часто, когда произносишь мысль вслух, в диалоге с собеседником, неожиданно приходишь в развитии этой мысли намного дальше, чем мог дойти сам, когда эту мысль часами в голове крутил так и эдак. Мысли любят, когда их произносят вслух, — они от этого взрослеют и вырастают.

Потом, когда и этого становится мало, начинаешь мысли записывать. В надежде, что кто-нибудь, когда-нибудь это прочтет и его мысли тоже окажутся так подозрительно похожими на мои.

Так, нормальный вроде бы человек, насколько нормальным может быть признан современный человек, вдруг решает написать книгу.

Эта книга — мой первый литературный опыт. И я должен был, наверное, просить вас, читатель, не быть к ней слишком строгим. Но у меня много странностей, о которых, кстати, вы узнаете из этой книги. Есть среди них и такая: я попрошу вас быть к ней как можно более строгим, потому что только в этом случае я буду знать, что читает книгу человек, мысли которого действительно похожи на мои. Что это за книга, если к ней надо отнестись снисходительно?

Кстати. Эта книга — и не книга. Это мои мысли. Это сконцентрированный в словах опыт, жизненный и профессиональный. Так случилось, что мне довелось участвовать во многих интересных событиях своего времени и общаться со многими примечательными личностями, причем личностями как со знаком «плюс», так и со знаком «минус», если вы понимаете, о чем я говорю. Многих личностей обоих знаков вы встретите на страницах этой книги. И однажды я решил, что было бы скупостью с моей стороны оставить такой опыт при себе — ведь он может оказаться полезным для многих. Нет, это не значит, что книгу я написал как прикладную инструкцию, повествующую о том, как надо правильно жить. Да и кто я, чтобы поучать вас, читателя, наверняка знающего все лучше меня. Просто — это мои мысли. И делайте с ними что хотите.

Книга эта странная. Состоит она, так уж получилось, из нескольких, смысловых и сюжетных, слоев. И поначалу была задумка слои эти оставить отдельными, как в торте. Один слой — это детектив, герои и сюжет которого будут знакомы тем, кто смотрел фильм «Мужской сезон. Бархатная революция». Книга является по форме сценарием второй части кинотрилогии «Мужской сезон». И я надеюсь, продюсеры первого фильма снимут продолжение этой истории... Но сейчас не об этом, сейчас о слоях.

Первый слой книги будет, наверное, интересен тем, кто любит современный остросюжетный детектив. И не слишком настроен на отвлеченные рассуждения. Ну и хорошо. Хороший детектив — это всегда интересно (а я надеюсь, что детектив у меня получился хороший), и, в конце

концов, это всегда проверенный способ убить время, пока едешь в метро или поезде. Такая судьба этой книги, сразу скажу, вовсе не кажется мне унижительной. Если вы, читатель, прочитаете ее, чтобы развлечься и убить время, — это ваше право. Надеюсь, убить время вам удастся легко, и оно, наше с вами бедное время, умрет без мучений. Да и вообще, все эти отвлеченные литературные рассуждения — это дело такое. Требуется времени, сил, напряжения души и непонятно куда приводит.

Ну а те, кто все-таки склонен искать в литературе отвлеченные рассуждения, то есть склонен искать в литературе — литературу, найдут в книге еще один слой — это написанные от первого лица монологи полковника Суворовцева. Это мои мысли. Они приходили в мою голову в разное время, в разных обстоятельствах; иногда это было связано с моей работой, иногда — было вовсе с моей работой не связано, а вызвано событиями, которыми полна жизнь каждого человека, влюбленностями и разочарованиями, увлечениями и поисками выхода. Не секрет, что вход в большинство острых жизненных проблем нам всем известен, и все мы ищем выход. Потому что найти его сложнее, чем вход. В этой книге такие рассуждения тоже порой имеют отношение к детективному сюжету, а порой — ровным счетом никакого отношения к нему не имеют. Просто — это мои мысли. Будьте к ним поосторожнее. Надеюсь, они не позволят вам спокойно проехать в метро или поезде. Надеюсь, эти мысли впредь будут мучить вас так же, как мучают меня.

Поначалу была идея разделять эти слои в книге. Но потом два этих слоя — неожиданно и даже против моей воли — стали стремиться друг к другу, как будто детективный сюжет и отвлеченные рассуждения что-то хотели сказать друг другу, чем-то помочь. Смешались они так тщательно, что я сам теперь не знаю, где в этой книге граница между детективом и личным дневником. Границы нет.

Более того, многие события и герои в книге — реальные. Но книга живет по своим законам, и авторский вымысел вызывал к жизни события и героев, которых не было на

самом деле. А может, и были. Или будут. В общем, и тут все тоже так смешалось, что не разобрать. Когда я сам перечитывал рукопись этой книги, я ловил себя на том, что стопроцентно правдивые фрагменты из моей собственной биографии кажутся мне оголтелым вымыслом. Хотя это было, и я это помню, и это — моя жизнь. А куски, в которых я напозволял себе «авторской свободы», кажутся куда реальнее моей собственной биографии. И я решил, что не буду больше ломать голову над этой проблемой и впредь буду все события и всех героев считать реальными. И вам советую поступить так же. Или наоборот. Считайте все это вымыслом, от первой строчки до последней. Если вам так легче. В конце концов, вы — читатель, вы — судья, и выбор — за вами.

Это как говорит один мой знакомый режиссер, Олег Степченко, — то, что делаешь на компьютере, все не замечают и принимают за реальные кадры, а в отношении того, что сделано на съемочной площадке старанием актеров, каскадеров, креативом режиссера и творческой группы, все моментально говорят — крутая графика. Кстати, хотелось бы дожить и посмотреть новую его работу — «ВИЙ» по Гоголю, говорят, «мозги разрывает». Отвлёкся я на кино, даже лексика поменялась...

Так вот. Границы между правдой и неправдой нет. Многие сейчас со мной не согласятся. Тогда я скажу так — каждый чертит ее сам, для себя. Ее нет не только в этой книге. Ее, по моим наблюдениям, нет и в жизни. Нет границы. Есть только вопросы. Не сочтите это за мое отношение к правде и неправде. Это мои наблюдения об отсутствии границы между этими понятиями. Конечно, на словах она есть у всех, и более того, каждый скажет, что эта граница ярко выражена. Но на практике всё не так, к сожалению. Как легко перейти из одного состояния в другое, даже не заметив эту самую границу. И вот тогда возникают вопросы. Чем больше человек ходит через эту границу, тем больше вопросов.

Самые интересные вопросы — по крайней мере, для

меня — это те, на которые не получается ответить. Ни с ходу. Ни на следующий день. Ни через год. Я знаю — по своим близким людям, что такие вопросы почти всех беспокоят. А кого не беспокоят эти вопросы — за того я сам беспокоюсь.

Вот такая у меня странность — я люблю вопросы, на которые не могу найти ответы. А может, и нет на них ответа. Может быть, они подарены нам кем-то свыше именно как вопросы, потому что ответы можно найти только выше. Что это за вопросы? Да, в общем, простые это вопросы. Например, такой.

Кто я?

ЖИЗНИ, ЛЮБВИ И ДРУЖБЕ
ПОСВЯЩАЕТСЯ...
А ТАКЖЕ ВСЕМ, СТОЯЩИМ НА СТРАЖЕ
БУДУЩЕГО НАШИХ ДЕТЕЙ.
А.А. Суворовцев

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Воин света достоин доверия. Порой он совершает опрометчивые шаги; иногда считает себя гораздо значительней, чем есть на самом деле. Но он не лжет.

Сидя у костра в кругу товарищей и подруг, он ведет с ними беседы. Он знает, что его слова будут сохранены в памяти Вселенной как некое свидетельство того, чему посвящены его думы.

«Зачем я так много говорю, если иногда не в состоянии претворить слова в деяния?» — размышляет воин.

«Когда ты прилюдно и открыто отстаиваешь свои взгляды, ты поневоле вынужден жить в согласии с ними», — отвечает ему сердце.

И поскольку слова его — неизменное и верное отражение его мыслей, воин в конце концов превращается в то, о чем он говорит.

Пауло Коэльо

ГЛАВА 1

КТО Я?

Кто я?

Кто я? Каждое утро я вижу свое отражение в зеркале, и я задаю себе этот, риторический, в сущности, вопрос. Вот ведь слово — риторический. Что это за слово? Столько слов человек говорит каждый день. И слышит. А что слова

значат? Иногда — ничего. Иногда — все. Вначале было слово. А как разобраться в словах, если трудно ответить даже на такой вот вопрос — кто я?

Нет, не риторический это вопрос. А дурацкий. Кто я? Роли это все, роли. У меня, можно сказать, актерская профессия.

Нет, уж что-что, а свою роль я знаю хорошо. Я знаю, кто я.

Я — офицер. Принято думать, что это геройская профессия. Получается, что я — герой. Ну да. Вообще-то я герой. Ну, иногда мне так хочется думать.

И вот, получается, самый настоящий герой спрашивает себя каждое утро, когда чистит зубы: кто я?

Семь тридцать пять. Оденусь и пойду. До работы — двадцать минут пешком. Пройдусь, пешком пройду, как всегда. Время позволяет. Время позволяет маленькие вольности — например, пройтись пешком. Конечно, время позволяет это не всем. Только тем, кто умеет обращаться с ним. Но я — умею. Наверное, умею.

Почему людям нужна одежда? Я люблю одежду. Интересно, почему? Мой древний предок вряд ли придумал одежду из стыдливости. Я думаю, этот предок не знал стыдливости, некогда ему было думать об этом. Выжить надо было. Не быть съеденным. Кстати, в наше время — проблема тоже актуальная. Я думаю, одежду придумала женщина. И она придумала ее не из стыдливости — вообще, стыдливость пришла к человеку, я думаю, намного позже, когда человек потерял свою главную степень свободы — свободу ощутить себя братом дерева и другом камня; тогда человек и начал стыдиться всего подряд, ну а потом начал стыдиться и себя самого, и своего тела. А женщина придумала одежду, потому что хотела красоты. Мужчина всегда занимался убийством зверей и соседей, а женщина всегда искала красоту. Однажды женщина примерила на себя шкуру, и украсила волосы венком из грубых цветов, и увидела себя в озере, и поняла — вот красота. Мужчина долго не мог понять этих странных причуд

женщины, но женщина убедила его, убедила нарядить его покрытое безобразными шрамами тело в шкуру, потому что это — красиво, и мужчина согласился — ради женщины. Вот примерно так потом все это и происходило много тысяч лет: мужчины, отмывшись от крови убитых врагов, смотрели на себя, любовно приодетых руками женщин, и так сохранялась в мире красота.

Сейчас, правда, много есть мужчин, часами проводящих время перед зеркалом, накрашенных, надушенных и нежных, как фиалка. Эдакие рабы красоты. Но вот той, природной, озерной красоты в этих рабах красоты — нет. Наверное, потому что рабство — это некрасиво. И еще потому, что слишком красивый мужчина — это уже урод. Вот такое есть странное свойство у мужской красоты — во всяком случае, как я ее понимаю для себя.

Почему я люблю одежду? Потому что она выражает что-то. Что? Социальный статус? Ну да. Но что это такое — статус? Непонятно что. Слова. Ты — то, что ты делаешь, а не то, что ты носишь. Но приятно. Приятно надеть свежую рубашку, накрахмаленную, она даже скрипит. Люблю это чувство. Люблю обувь. Да. Странно в этом признаться, но это так. В этом есть какой-то порядок, что-то в этом есть, что приводит в порядок все — мысли, чувства. Это большая проблема — привести в порядок свои мысли. А тут раз — надел хорошую вещь, и как будто сам стал ею. Чистым себя чувствуешь, накрахмаленным таким. Люблю я это чувство.

Принято считать, что утром следует надевать то, что диктует настроение. В общем, это логично. Не могу похвастаться, что всегда могу позволить себе эту роскошь — нет, выразить настроение одеждой я умею и люблю. Но работа часто заставляет надевать не то, что диктует мое настроение. Можно сказать, что это плохо, что это — не есть свобода. Да, несвобода. Но у этой несвободы есть и свои плюсы, которые я открыл для себя со временем. Бывает, встанешь утром в таком настроении — вспомнишь все проблемы, или — все итоги последней, не слишком удачной операции, или — ушедших друзей... Хочется надеть тогда что-то в духе

Вершинина — пару пулеметных лент на голое тело, камуфляжные штаны и кованые ботинки. Но в Управлении в таком виде не покажешься — протокол заставляет облачиться в безукоризненный костюм. И вот что интересно: пока его надеваю, и настроение уже становится лучше. Так что есть свои плюсы в протоколе. Во всем есть свои плюсы — во всех минусах. Это закон. Прилагается, кстати, в комплекте к нему и еще один закон: есть минусы и во всех плюсах.

А когда я все же позволяю себе надеть то, что хочется, то я радуюсь вдвойне. И всегда, когда я думаю о том, что сегодня надеть, я вспоминаю женщину. Ту женщину, которая научила меня этому — одеваться. Это не единственный подарок, который я получил от нее. Она умела дарить подарки как никто — и она умела дарить такие подарки, которые входят в привычку, входят в характер, становятся частью меня, становятся мной. Иногда я стараюсь вспоминать ее реже. Именно в такие моменты я начинаю вспоминать ее чаще. Вот что такое настоящая женщина. Невозможно понять, победа ли она твоя... или твоя катастрофа...

Да. Хорошие туфли. Ну все. Пошел. Все-таки интересно, кто я?

Много разных мыслей и вопросов — попадают среди них и риторические, кстати, — приходит мне в голову, когда я иду на работу. Хорошо, что у меня есть дело в жизни. Настоящее дело. Мужчина, который не может так думать о себе, по-моему, несчастный человек. Вокруг много несчастных людей, кстати. Толпы целые несчастных людей. Как им помочь? Это уже риторические вопросы пошли.

Что за дело я делаю? Хочу самому себе ответить на этот вопрос, но так, чтобы не употребить ни одного громкого слова. Если бы я жил лет пятьдесят назад, во времена, когда мужчины носили широкоплечие пальто и гангстерские шляпы, а журналисты писали языком плаката, я сказал бы — я спасаю человечество от зла. Но сегодня не носят шляп, и спасать человечество от зла считается смешно. Не знаю,

кстати, почему. Шляпы, конечно, не актуальны. А вот насчет зла — это зря. Спасать — это всегда актуально. Потому-то всегда есть от кого. Почему всегда есть — от кого? Это опять вопрос риторический. Да что ж такое сегодня со мной...

Кого я спасаю — и от кого? Да обычных людей, которым, наверное, в жизни чаще живется плохо, чем хорошо. От тех, кому чаще живется хорошо и редко — плохо. Плохо им живется, только если очень постарается какой-то энтузиаст вроде меня. Все-таки я герой. Я — рыцарь добра. Так — стоп. Это уже пафос пошел, а пафос я отрицаю.

Пафос всегда означает пустоту. Самые пафосные из известных мне людей были самыми пустыми. Самые мудрые из мне известных — самыми простыми. Мудрость всегда приходит к простоте. Ничтожность всегда ищет пафоса. Это точно. Так что неприступно важный вид у человека — для меня это приговор. Значит, передо мной просто дурак. Пафос я отрицаю внутри себя, но признаюсь, иногда приходится его применять, но это только по работе, когда без этого не обойтись. Это все роли, роли... Как в кино.

Есть одно только исключение — юность. Юность может себе позволить пафос, потому что юности по-другому скучно. Но это другое. Юный человек может дать вселенского пафоса, и это бывает смешно, но не бывает плохо, потому что он так искренне думает, он так — правда же — чувствует. Юности можно. Юности вообще все можно. Почти все. Кроме предательства. Впрочем, и на этот грех юный человек, по моим наблюдениям, идет реже человека взрослого. Потому что юный человек спорит с миром, борется с миром. Что часто бывает смешно и часто даже опасно для него самого. А взрослый с миром торгует. Что, хоть и бывает опасно — на крупных суммах, — но чаще все же бывает удобно и выгодно. Противно. Почему я подумал — «противно»? Так ведь об этом думать может только юный человек. Может, я сохранил способность смотреть на вещи, как в семнадцать, как в двадцать лет? Нет. Не буду себя обманывать, хоть это — обманывать себя — я очень

люблю и хорошо умею. Нет. Не сохранил. Мне не двадцать. Но я — не до конца забыл. Я все сделаю для того, чтобы не до конца забыть, как выглядели вещи в двадцать лет. Я не забыл. Этим от многих людей я сильно отличаюсь. Не-скромно, но факт.

Я иду пешком на работу, чтобы убедиться в том, что осень действительно пришла. Хорошо, что есть какая-то в жизни стабильность. Хоть какая-то. Вот за что я люблю осень — она приходит вовремя. Как я.

Беспечной юности у меня, можно сказать, и не было. Во всяком случае, вот так расслаживаться по лавочкам и попивать пивко, как они, мне не приходилось. И откуда только взялась эта мода садиться на спинку скамейки и топтать ногами сиденье? И вообще, откуда на бульваре столько бездельников в самом начале дня? Нет, все-таки это была плохая идея — пройтись пешком. Осень пришла бы и без меня. Под ногами гравий скрипит — только ботинки новые испорчу. Можно вернуться в машину. Там климат-контроль. Смешное сочетание слов, кстати. Что было бы, если люди могли бы контролировать климат? Могу предположить. Это длилось бы два дня. В первый день по всей земле установили бы климат, как на Багамах или в Калифорнии: 366 солнечных дней в году. На второй день был бы конец света. Хорошо, что климат-контроль люди могут сделать только в пределах одной машины.

Откуда это потянуло гарью? Нет, не гарью — запах такой сладковатый... Да это же жгут опавшие листья! Осень пришла, пока я работал. В Прагу ездил к Сан Санычу, итоги последней большой операции подводить. Хвалил он меня, кстати. Когда мэтр хвалит — это приятно. А Сан Саныч — мэтр. Сан Саныч за свою жизнь такие дела раскрыл, таких упырей на чистую воду вывел, что, если он хвалит, — это не слова. Пока я ездил в Прагу, думал, что я молодец все-таки, — такую операцию под носом у такого количества врагов провернул, — осень взяла и пришла. Очей очарованье. Да. Есть еще немного времени, я могу пошататься по буль-

вару, повдыхать дым осеннего костра. Послушать карканье ворон. Глупые занятия, конечно. Но без них — непонятно, зачем жить.

А ровно в 9.00 дежурный на посту в Управлении, как всегда, отметит мою пунктуальность. Если честно, я сам горжусь своей пунктуальностью. Знаю, что гордиться своими положительными качествами не очень хорошо. И стараюсь не гордиться. Но вот в этом случае ничего с собой поделать не могу — горжусь. Все-таки я молодец. Всегда вовремя, точен, аккуратен. Молодец, Суворовцев. Если бы я был не просто большим, а громадным начальником, главой даже не всего Управления, а министерства или даже — страны, я бы нет-нет, а вызывал меня на ковер, сначала молчал бы так угрожающе, чтобы тонус в подчиненном поддержать, а потом бы говорил: «Наслышан о вашей пунктуальности. Что ж... Это... хорошо! Молодец, Суворовцев!» Да... Приятно пофантазировать. Никто меня так почему-то не вызывает. Наверное, все считают, что мне и так хорошо. В общем, они правы. Мне хорошо. У меня есть дело в жизни. И есть еще десять свободных минут сегодня утром.

Нет. Сегодня утром это все не просто так. Что-то будет. Что-то готовится. Знать бы что. Я давно заметил — если у меня философское настроение, и в голову лезут сплошные риторические вопросы, и мне кажется, что я вот-вот пойму космический смысл бытия, — это не к добру. Это интуиция. Интуиция — главный капитал, который есть у секретного агента. И это единственный вид оружия, который нельзя купить и на который не нужно иметь разрешения. Я просто нутром чую опасность. Есть какой-то голос, где-то там, во мне, где-то в ребрах или в голове, не знаю. Он предупреждает меня — что-то будет. Спасибо этому голосу. Если когда-нибудь встречу того, кто это мне говорит, — поклонюсь ему низко. Скольким я этому голосу обязан!

Да, точно. Что-то будет. Знать бы что. Но что будет — этого голос не говорит. Это уже не его работа. Это я уже сам как-нибудь разобраться должен. Ну что ж, это справедливо. Не может же голос делать все за меня.

Вот и проходная. Сейчас все прояснится. Дежурный уже издали улыбается:

— Здравия желаю! Доброе утро! По вам часы можно сверять!

Приветливо улыбаюсь в ответ:

— Утро доброе!

Мне так совсем не кажется. Не доброе оно никакое. Но дежурного это касаться не должно. А насчет часов — да, часы можно по мне сверять. И не только часы можно по мне сверять. Многие другие, важные, положительные, прямо скажу, качества — можно по мне сверять, между прочим. Ну ладно. А то будет нескромно, если я сейчас перечислять начну, что еще по мне сверять можно, тем более для большей части положительных качеств приборов пока еще не придумали. Наверняка давно могли уже придумать, я подозреваю. Но не придумывают. Не решаются — ведь тогда можно будет сразу присоединить прибор к человеку — и показания снять: добрый он или злой, часто врет или правду говорит, настоящий или подделка сплошная. Появись такие приборы — большая бы война, наверное, началась. Те, у которых внутри — подделка сплошная, воевали бы против настоящих за уничтожение приборов. Дутых, фальшивых и лживых было бы больше, они бы оккупацию затеяли. Настоящие в лес бы подались, партизанить начали бы. Да-а... Ну и фантазии в голову лезут. Ну и утро. Что-то будет. Точно.

Издали, на подходе к своему кабинету, замечаю два темных силуэта у окна в коридоре. При виде меня силуэты явно напрягаются и неторопливо идут навстречу. Знаю, кто это. Управление собственной безопасностью. Предчувствия меня не обманули. Спасибо еще раз, голос интуиции. Я — твой должник в очередной раз. Ну, давайте, давайте.

Невозмутимо отпираю дверь, спрашиваю, не оборачиваясь:

— Вы ко мне?

С этими я буду повысокомернее. Этим гостям не надо говорить — чувствуйте себя как дома. Эти гости — из тех,

что часто держатся свободнее хозяев тех кабинетов, куда они приходят. Зачем они пришли ко мне? Интересно.

Они — ребята не обидчивые. Сейчас тот, что слева, он явно старший, скажет так загадочно и угрожающе одновременно, эти ребята так умеют: «Полковник Суворовцев? Нужно поговорить».

Старший пропускает меня вперед и говорит:

— Полковник Суворовцев? Нужно поговорить.

Офицер УСБ — нормальный, обычный, в сущности, парень. А держится так, как будто он — Клинт Иствуд. Это как минимум. Эта небрежная ковбойская интонация, с которой они обычно приветствуют друг друга, просто по именам, вместо «здравствуй»: Джон! Билл!

Прохожу в кабинет, оставляя дверь за собой открытой.

Они входят за мной и бесшумно закрывают дверь. Они уже освоились, это уже их дверь.

Пока снимаю пальто и подключаю лэптоп на столе, откровенно разглядываю визитеров.

Оба в штатском, но погоны у обоих как будто видны — даже на пиджаках. Оба не меньше майора. Тот, что здоровался со мной по-американски, выше ростом и шире в плечах. Он разглядывает мой кабинет. Он явно тут все переставил бы по-другому, вижу по его взгляду. Это уже его кабинет. Все-таки они нахалы. Видимо, неизбежная профессиональная черта, как высокий рост у баскетболистов.

Второй — блондин с тонкими поджатыми губами. По виду — чистый ариец, ни дать ни взять. Держится ровно. Что-то не так в нем. Нет, не пьет. Но что-то не так. Было бы все так, не держался бы так строго.

Дольше время тянуть нельзя. Сажусь напротив них, всем своим видом приглашая к разговору. Разговор — это уже понятно — не будет приятным.

— Майор Мудренов, — представляется первый.

— Капитан Ухваткин, — мрачно сообщает второй.

Вот дал Бог людям фамилии. Ухваткин. Это не фамилия — это судьба.

Жестом предлагаю садиться. Все, я понял. Вот что

значит — опыт. По тому, как они сели, я понял, что именно эти двое будут мне предъявлять. Операция с африканским президентом. Ну, давайте.

Двое напротив сверлят меня глазами и берут эффектную паузу. Смешно. Этот сверлящий взгляд даже Опера — младше Опера в отделе у нас никого нет — и того рассмешил бы. Так и вижу эту картину — Опер бы их спросил, со своим детским выражением лица: «Ребят, вы че?»

Старший первым устал сверлить меня пронизательным взглядом, откашлялся. Сейчас разразится вступлением, типа — вы понимаете, что мы пришли не чай пить. А я ему скажу — напрасно, хороший зеленый чай помогает найти точку покоя. Что эти два Клинта Иствуда скажут на это? Интересно! А что — я готов поговорить, почему бы нет. Я люблю поговорить. Если бы эти двое знали, с какими артистами разговорного жанра меня сталкивала жизнь! А что, когда-нибудь, может быть, написать мне книгу о мастерах криминальной беседы, к примеру? Мне доводилось вести неторопливый разговор со многими из них.

Это целая наука. Многие, конечно, знают, что криминально окрашенные неприятности чаще всего начинаются с того, что появляются вдруг в жизни, например, бизнесмена или иного состоятельного гражданина мрачные личности и начинают «наезжать». В фильмах принято показывать сцены «наезда» так: эй, ты, ты че, в натуре?! Да я-то — ниче, это ты — че, ты на кого наехал? На меня наехал? Я наехал?! Да ты че? Кто на тебя наехал, ты че, в натуре... Ну, и все в таком роде. Я не знаю, кто снимает эти фильмы. Точно знаю, что снимают их люди, не имеющие никакого понятия, как все это происходит на самом деле. Нет, может, это и происходит так, как в таких фильмах, только происходит это исключительно в голове создателей плохого кино. А жизнь — это хорошее кино, а в хорошем кино все намного тоньше и интересней. Когда за дело берется настоящий мастер «наезда», он берется за дело не спеша и с удовольствием. Его задача проста — нужно начать разговор. Заставить собеседника ответить на первые, ничего вроде бы не значащие

вопросы и таким образом втянуться. Втянуться — значит, открыться. Открыться — значит, пропасть ни за грош. Главное — начать разговаривать, а вывернуть уже сложившийся разговор в нужную сторону — это уже дело техники. Истинный мастер «наезда» безо всяких «ты че, в натуре», очень меланхолично, вполне вежливо и даже где-то душевно говорит что-то вроде того: «Как же так, как же это вы, такой уважаемый вроде бы человек, с хорошей, как пока все считают, репутацией, и так ошиблись... да, мы пока, конечно, никому не сказали, что вы в такое сложное попали положение, можно сказать, «накосячили» вы, уважаемый... да, понятно, что «накосячили» не со зла, но как исправлять положение думаете, какие мысли-то?» Ничего не понимающий бизнесмен смотрит глазами ребенка, скорее всего, даже смеется, думает, недоразумение вышло, и так и говорит: «Недоразумение это, ошибаетесь, ребята, не за того вы меня приняли»; а ребята обижаются: «Как не за того, разве не вы — гражданин такой-то?» — «Ну, я, — тот отвечает, — и что с того?» — «Ну, раз вы — это вы, значит, мы не ошибаемся, или вы думаете, мы так просто к вам пришли, без серьезных оснований?» — «А какие основания?» — спрашивает несчастный. А ему отвечают: «Основания такие, что не уважаете вы нас, вот, даже считаете нас несерьезными людьми, шпаной, ребятами вот называете, что само по себе оскорбительно для людей с нашим социальным положением; вы, значит, думаете, что мы — бродяги, которые даже не знают, к кому пришли, а мы знаем, кто вы, и все ваши проблемы знаем». — «Да нет у меня никаких проблем!» — говорит бизнесмен. «Есть, раз мы с вами разговариваем, значит, уже есть!» — говорят ему «ребята». И они в этот момент, что характерно, правы. Если жертва с ними разговаривает — проблемы у жертвы уже есть. Потому что жертва — это тот, кого едят. Еще через пару минут разговора жертва начнет оправдываться — да я не «косячил», поверьте, — а еще через две минуты ему докажут, что «косячил», и не один раз, потом выяснится, что «косячил», а признаваться не хотел, потом — что признаваться не хотел, потому что есть что скрывать, а

там уже недалеко до страшной картины запутавшегося в грехах, пропащего, в общем, человека, который еще полчаса назад казался себе преуспевающим бизнесменом без особых проблем. Мастер криминальной разводки может прийти на такую встречу действительно хорошо подготовленным, имея приличное досье на жертву. А может импровизировать на ходу, создавая материал для разговора буквально из воздуха, виртуозно, из неосторожно произнесенных слов, которых, как правило, неподготовленный человек имеет свойство обронить в достаточном количестве; а потом неосторожные слова складываются в паутину, выпутаться из которой нельзя. Ну а финал таких разговоров всегда один — подчинение. Жертва должна быть съедена. Жертва проигрывает беседу, за этим следует то, что жертва проигрывает и все остальное — деньги, проценты от бизнеса, а иногда — и весь бизнес. А иногда — так тоже бывает — и всю свою жизнь.

Есть такой отдельный криминальный класс — разводчики. Это мастера словесных паутин, приезжающие на стрелки. Они приезжают без оружия и вид могут иметь вполне сублимный. Но в криминальном мире такие люди — всегда в цене. Разводчики — ближайшие родственники гипнотизеров. Только с помощью гипноза можно внушить психически нормальному вроде бы человеку, что он должен отдать все свои деньги неизвестно кому, неизвестно за что, потому что он страшно виноват, неизвестно перед кем, неизвестно в чем.

Многие неглупые и одаренные в бизнесе люди потеряли все, потому что не знали, как в их жизнь придет криминал, потому что думали, что он придет, как в плохом кино, а криминал пришел, как в хорошем, пришел тихо и остался навсегда. Они потеряли все, потому что слишком беспечно относились к своим словам. Но слова — это не просто слова. В криминальном мире слова — это очень серьезно, слово — это дело. Кто произносит слишком много слов — тот делает плохое и очень опасное для себя, да и для всех окружающих, дело. Кто говорит мало и делает, что гово-

рит, — тот всегда на плаву и может спать спокойно. Конечно, насколько вообще можно спать спокойно в криминальном мире. Насколько вообще умный человек может спать спокойно.

Я тоже живу в криминальном мире — хотя к нему не отношусь. Вот такое странное положение дел. Я борюсь с этим миром, но уже давно сам приобрел и нередко использую навыки и знания, которые рождены именно криминальным сообществом. Это неизбежно, и это правильно — для сотрудника правоохранительных органов. Нельзя победить врага, если сам не владеешь его оружием. Да и самый обычный и от правоохранительных органов далекий человек, сам того не зная, живет в мире, в котором криминал давно стал неотъемлемой частью культуры. Это дико звучит, но это так, да, именно так. Криминальная культура — часть культуры вообще. Криминальный сленг давно проник в речь воспитанных, образованных людей. Преподаватель университета может сказать сейчас студенту: не подумайте, что я на вас наезжаю, но знание немецкой философии у вас, батенька, на двойку, не читали вы ничего, а вот пришли ко мне и лепите мне тут горбатого. Или подросток может рассказать о неудавшемся свидании с девушкой: забили мы с ней стрелку, я, короче, у кинотеатра полтора часа ждал, а она не пришла — такое запаadlo! Криминальный мир незаметно, без звонка, как он это умеет, пришел не только в жизнь бизнесменов, но и в жизнь самых что ни на есть рядовых обывателей, пришел и обосновался в нем с присущей ему наглостью. Границы в сегодняшнем мире стерты. На карте они есть, и в кодексах и законах они есть. А в жизни они стерты. Нет границ. Каждый для себя их самостоятельно устанавливает. Да. Боюсь, что это уже философская мысль. Удивляюсь, сколько же мыслей у меня в голове пронестись успевают — пока сижу, молчу и жду, с чего начнут разговор офицеры из Управления собственной безопасности, оккупировавшие этим утром мой кабинет. Скорость мысли — это очень высокая скорость. Если бы я

мог жить с этой скоростью — сколько можно было бы за жизнь успеть! Все, пора возвращаться к разговору.

Валяйте, уважаемые коллеги из Управления собственной безопасности, наезжайте, сколько хотите. Поговорим по душам, я поговорить не против, если разговор душевный. А говорить вам со мной придется душевно, потому что иначе со мной не получится.

Коллеги из УСБ смотрят хмуро. Они технологией «разговора по душам» тоже владеют, конечно, — всех у нас этому искусству обучают. Но, боюсь, не повезло вам, коллеги, — опыта у меня побольше и собеседники у меня явно бывали поматерей — то есть помолчаливей. Молчание — золото. Я умею молчать. Значит, я богатый. Кроме того, это вы пришли ко мне, а не я к вам. Значит, вам надо говорить что-то, а я могу подождать, помолчать и подумать о чем-нибудь. Значит, у меня уже преимущество. И отнять у меня его не просто будет.

И тут у меня начинает звенеть мобильный. Это Вершинин.

Он, как всегда, вовремя. Все-таки это талант. Есть люди, которые умеют звонить не совсем кстати, есть такие, что звонят некстати. А есть такие, которые звонят в самую неподходящую минуту, даже не в сутках, а в целом году. У Вершинина этот талант очень развит. И не только этот.

Сбрасываю звонок, вежливо улыбаюсь визитерам. Они кисло улыбаются в ответ. С терпением у них тоже все в порядке. Сели — спокойно так, обвили меня, в моем же кабинете. Две анаконды.

Вершинин не унимается — иначе это был бы не он. Звонит опять. Кстати, интересно, кто из них — эти парни из Управления собственной безопасности или Вершинин — и есть неприятность, которую я предчувствовал.

Снова сбрасываю звонок. Впрочем, я уже знаю, что это бесполезно. Сбросить желание Вершинина общаться — нельзя. Выключишь телефон — он тут же полезет в окно. Закроешь окно — он вылезет откуда-нибудь из факса.

Сегодня он должен был забирать из больницы жену —

у него праздник. Наверное, хочет поделиться радостью со мною. А уж если Вершинин решил поделиться радостью, то скоро его радость накроет всех окружающих, как взрывная волна. Эту его черту я, кстати, люблю. Все умеют делиться плохим, но не все — хорошим. Но почему не через час, например, а?!

* * *

Вершинин стремительно шел по больничному коридору, в белом халате, тесном ему в плечах и потому просто накинутом на его «косую сажень». И вдруг он остановился, словно споткнулся о какое-то невидимое препятствие на полном ходу. На полу перед ним светлел солнечный лучик — розовато-желтый, какой бывает только в прозрачном осеннем воздухе. И в этом ярком луче осеннего солнца медленно кружились пылинки, обычно незаметные глазу.

Все было как тогда. Только тогда было самое начало лета, и в воздухе кружился тополиный пух. Тогда он впервые увидел, как солнечный луч бьет сквозь ее пшеничные волосы и подсвечивает, словно приподнимая в воздухе, всю ее хрупкую фигуру. Она была совсем еще девчонкой — длинные тонкие руки, длинные — просто нереально длинные ноги, торчавшие из какого-то нелепого сарафанчика. Тогда была мода на такие сарафаны — колокольчиком, и в нем она казалась еще младше. Такой маленькой, что ему сразу захотелось подхватить ее на руки и унести, спрятать куда-нибудь ото всех, даже от этого солнца, которое так нагло освещало ее.

Когда Вершинин думал о своей жене, он всегда представлял ее такой, какой увидел тогда — в первый раз. И сейчас он остановился, словно запнувшись об этот солнечный луч, потому что впереди в больничной палате его ждала уже совсем другая женщина. Только худоба связывала ее с той, прежней.

Вершинин думал сейчас, что он виноват в том, какой она стала потом. Точнее — сейчас... Конечно, опустошен-

ным, измученным человеком ее сделал не он сам. Ее опустошил героин. Но почему... Вершинин много раз задавал себе этот вопрос: почему она сделала это — впервые? Почему она делала это потом, он понимал. Вернее, он думал, что понимал. Героин — болезнь, и она заболела. Так он думал, и как ни странно, от этого ему становилось легче. Раз есть болезнь, значит, ее можно вылечить. Но только сейчас он понял, почему это случилось. Ее постоянное одиночество сделало это с ней. Дежурства Вершинина всегда попадали именно на праздники — такой уж он везучий, и жена с дочкой привыкли встречать праздники без него. Это тоже казалось нормальным — такая у него работа. Потом они, наверно, привыкли вообще — жить без него... И эту пустоту заполнила собой болезнь. Так вот почему...

Нет, не героин виноват. Он сам виноват — он, и больше никто. Он виноват, что вот теперь его жена лежит в больничной палате... Он виноват, что она так не похожа на ту, которую он помнит в лучике света...

Эта пронзившая его мысль потянула за собой и другую, еще более колкую. Да, теперь он понял, почему она первый раз сделала это. Но теперь он по-другому думал и о том, как она сделала это. Ведь она сделала это не сама. Как каждому начинающему наркоману, ей помогли это сделать. Помогли люди, которых он давил, у которых он отнимал бизнес, деньги, власть и покой. Это они посадили ее — руками продажного доктора — на героин. А почему они, его враги, сделали так, именно так? Да потому что им было слабо ударить по нему, Вершинину, — ведь он для этого слишком сильный, хорошо информированный и вооруженный до зубов. А ударить по его семье — это было легко. Потому что он, Вершинин, не думал тогда о своей семье — не думал, что это и есть то единственное, что есть у него, за его беспокойной душой и широкой спиной. Он не думал тогда, что семья — это и есть то главное, что всегда находится под ударом у человека такой профессии, и это то, что надо защищать в первую очередь, защищать всеми силами, хранить как зеницу ока...

Мысли — страшные мысли, холодные обвинения, предъявляемые совестью к себе самому, цеплялись одна за другую и выныривали из памяти Вершинина. Потом была машина, которая должна была сбить его, и лучше бы сбита была она, а пострадала она, опять она... Потом она села на героин, и все покатило кувирком.

Дочь Вершинина, Саша, сначала боролась с матерью. Саша долго не верила, что все это правда. Потом она изменилась. Как-то так сразу, как это умеют делать подростки — изменилась за один день. Она отвернулась от него, Вершинина, как от бесполезного чужого человека, вечно погруженного в свои заботы. Потом она стала пропадать неизвестно где, но не повторила путь матери, оказавшись в скользких ночных тусовках, — не повторила только чудом...

Его, Вершинина, должны были убить — он был не жилец в любом случае, потому что врагов у него было гораздо больше, чем друзей, а такая арифметика всегда кончается выстрелом из темноты.

Потом его предал его собственный начальник, Бердяев, и это уже точно должно было стать для Вершинина роковым обстоятельством — ведь когда предадут свои, верить больше не во что и звать на помощь — некого.

Но он, Вершинин, вырулил. Он оказался сильнее и смелее, и он сам убил многих — из тех, что так надеялись остаться незамеченными в темноте. Потом получил свое и Бердяев, получил по полной. Кто-то из Управления рассказал эту, и без того нашумевшую, историю предательства вездесущим киношникам, а те сразу за нее уцепились. Сняли кино — «Мужской сезон. Бархатная революция». Так вот неожиданно Бердяев в кино и попал — героем оказался, правда, отрицательным героем. Получил не только пулю, но и всенародное презрение к ней в придачу. Теперь переваривает обе эти формы возмездия.

«Ну, что? Слабо оказалось всем вам свалить Вершинина!» — так думал Вершинин тогда, ведь он так думал, и он считал себя победителем.

Теперь он знал, что все это время он был проигравшим. Проигравшим свою семью. Преступно, глупо — проигравшим самое большое, что только можно проиграть, вступив в эту бесконечную и бессмысленную игру. А самое страшное было в том, что иногда, потом, наблюдая героиновые ломки жены, глядя в ее пустые глаза, он даже думал, что это он мучается с ней. А это, оказывается, она, его жена, все это время, с первого дня их знакомства — мучилась с ним...

Вершинин тряхнул головой. Ничего, теперь он все исправит. Он знает, что он виноват, но он знает теперь, что для него самое главное. Его близкие люди, жена и дочь. И он не отступится, он сделает все возможное, а скорее всего, невозможное — ведь это он умеет лучше всего, — чтобы исправить, все исправить, чтобы окружить их такой заботой, такой любовью... Да они даже не знают, каким он будет теперь! Он будет лучшим мужем, лучшим отцом! Все остальное — потом разберемся. «Ничего... ничего, еще посмотрим, кто кого!» — радостно подумал Вершинин.

Вершинин перешагнул солнечный луч и устремился дальше — вперед. Коротенький больничный халат развевался за Вершининым, как плащ супермена. Распахнув дверь в палату жены, Вершинин замер на пороге в эффектной позе:

— А вот и я! Я похож на супермена? — Вершинин сиял и явно ожидал восхищения в свой адрес.

В палате — жена и дочь Вершинина, до того беззаботно болтавшие о чем-то и смеявшиеся, как закадычные подружки, смолкли, оторопев от такого неожиданного вторжения. Первой пришла в себя дочь Вершинина: смерив критическим взглядом внушительную фигуру отца в маломерном белом халатике, она ответила ему:

— Ну, так. На начинающего.

— Сашка, ничего ты не понимаешь в суперменах! — сейчас же возразил ей Вершинин.

Он быстро пересек палату, подхватил жену на руки и начал кружиться, так что Саша с визгом едва успевала уво-